

18+ Ольга

**КАК БИТЬ
ЛАПАМИ
И НЕ ОПУСТИТЬ
РУКИ!**

*Даже за самым крутым поворотом
открывается новая дорога ...*

Ольга Келлер
Как бить лапами
и не опустить руки!

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51689358
ISBN 9785449846754*

Аннотация

Неугомонный миллиардер Ричард Брэнсон, несомненно, прав! Каждый должен написать книгу о своей жизни! Все человеческие истории разные, может, чем-то и похожие. Однако каждый из нас – как отдельная планета на просторах Вселенной! Но пока вы не написали её, моя героиня Таисия ждет вас и поведёт по своему пути, вместе с ней будете взлетать и падать! Находить решения, чтобы дальше жить и любить! Бить лапами так, чтобы оставаться всегда на волшебной седьмой волне.

Содержание

От автора	5
Глава 1. Детство	7
Глава 2. Родители	17
Глава 3. Школьные годы	27
Глава 4. По больницам	39
Глава 5. Прогулки по Ленинграду	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Как бить лапами и не опустить руки!

Ольга Келлер

Посвящается моей любимой семье!

*Даже за самым крутым
поворотом открывается новая дорога...*

Редактор Марина Венделовская

Иллюстратор Анна Резникова

© Ольга Келлер, 2020

© Марина Венделовская, редактор, 2020

© Анна Резникова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-4675-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Любимые читатели!

Хочу рассказать, как рождалась книга.

В апреле 2014 года неожиданно уходит из жизни близкий человек, красавец Володя, муж подруги. Утром жена проводила его на работу – а днём мы стоим над бесчувственным телом и ждём скорую. Через семь дней, не приходя в сознание после операции, Володя покидает нас. Лёгкий, добрый, всегда готовый выслушать и дать совет, шалун и повеса – всё в нём уживалось, он был особенным!

Чтобы сердце не разорвалось, стала писать о детстве и юности по три часа каждый день. Через полтора месяца была готова небольшая повесть – и легла в стол. В апреле 2019-го случайно посмотрела вебинар Кати Иноземцевой, и неожиданно созрело решение дописать книгу. Появилась мечта поставить по ней фильм.

У меня необычная судьба. В семнадцать лет жизнь проверила на прочность болезнью, и я победила. Вы наверняка знаете, что люди подразделяются на два типа сканеров и дайверов. Я – сканер. Конечно, эти знания пришли не сразу. Прошли десятилетия, прежде чем перестала стесняться своей любознательности и разрешила следовать за своей натурой.

Куда только не забрасывала судьба, начинала фотографом, а закончила свою трудовую деятельность судьёй.

Карьера завершилась неожиданно: инфаркт – и я в отставке. Пять лет приводила себя в порядок: йога, цигун (прошла третью ступень). Увлеклась имидж-медициной – медициной мыслеобразов. Стала личным учеником Сюи Минтата. Планирую поехать в Пекинский центр «Кундавелл» продолжить обучение.

Каждый проходит свои жизненные уроки. Порой опускаются руки, и ты не знаешь, как жить дальше. Книга поможет не бояться трудностей, подскажет, как пройти испытания и остаться верным себе. Будьте уверены, неожиданные повороты судьбы делают нас сильнее. Это трамплин для нового витка жизни, и каждый её период интересен по-своему. 50 лет – не закат, а, может быть, самый яркий и интересный период вашей истории.

Спасибо, дорогие, что вы со мной, и приятного чтения!

Глава 1. Детство

Февраль 1961 года. Полдень, яркое солнце, мороз. Происходит маленькое чудо: на свет появляется ладненькая девочка с лукавыми, смеющимися глазками. Да, это чудо, ведь она не должна была родиться.

О неожиданной беременности знала только мама. У них с папой уже была дочка, одиннадцатилетняя Танечка, но папа очень хотел наследника и просил маму родить ещё одного ребёнка. Она согласилась, но проходил год за годом, а дети не рождались. Значит, не судьба, решил папа – и больше тему не поднимал.

В сентябре мама почувствовала тяжесть в животе, внутри явно что-то жило и двигалось. Забеспокоившись, пошла к гинекологу. Пожилая врач осмотрела ее и... поздравила с беременностью. Мама не верила, убеждала, что этого просто не может быть: несколько лет назад ей по медицинским показаниям перевязали маточные трубы. Врач же посмотрела на неё с улыбкой, развела руками и сказала: «Мамочка, радуйтесь, свершилось чудо!»

А через несколько месяцев появилась на свет девочка. Назвали Тасей, Тасенькой, для папы Тасёныш. Видимо, очень уж мне хотелось оказаться здесь, что-то манило. И, наверное, я не просто так пришла сюда. Почему-то всегда это чувствовала.

Роды были тяжёлые: тащили щипцами, долго не дышала, закричала, только когда старая акушерка сильно шлёпнула по ягодицам, – такого обращения выдержать не могла и сразу высказала отношение к телесным наказаниям.

На второй день состоялось знакомство с сестрёнкой. Мы с мамой лежали в палате на первом этаже роддома. Таня, как циркачка, залезла под окном на бочку из-под селёдки (тару специально прикатила издалека, от продовольственного магазина), встала на носочки и увидела меня. Она мне сразу понравилась. «Какая красивая, интересно, у меня тоже будут такие большие голубые глаза? Конечно же, будут!» – подумала я. Сестра смотрела с восхищением, и я поняла, что тоже приглянулась ей. Мы остались, чрезвычайно довольны друг другом.

Через неделю нас выписали. Танюша принесла большой узел с ворохом одежды: новорождённую укутали и отнесли домой. А там меня уже ждала маленькая кроватка-качалка – папа сделал её сам, и в ней так сладко и спокойно спалось. О моём рождении папа узнал из телеграммы. Её зачитали на весь корабль из радиорубки. Молодого отца поздравляли, а он бегал по палубе и кричал «ура».

Весточку папе отправила сестричка, когда мы с мамой ещё лежали в роддоме. У маленькой Танюши не хотели принимать телеграмму, но та объяснила, что взрослых нет. И тогда телефонистка помогла найти позывной корабля, где плавал наш рыбак, и отправила Танин текст: «Поздравляю доч-

кой вес 4 кг 300 г рост 52 см всё хорошо». Папа был счастлив. Ну и пусть не мальчик, девочка тоже хорошо. Маленькие ножки, наконец, забегают по полу, и детским щебетом наполнится дом! А это самое настоящее счастье!

Няней стала Танечка. Мама, уходя встречать или провожать папу в море, сцеживала молоко, и сестрёнка кормила меня, укачивала, пеленала. Чтобы ноги мои были стройными и красивыми, затягивала их лентами и верёвками (как только не отвалились?). Ноги и вправду получились длинными и ровными. Наверное, это заслуга моей сестрёнки. Спасибо ей!

Мама рассказывала, что в те годы в магазинах не продавали белый хлеб – выдавали по карточкам детям до года. Так как младенцы не едят хлеб, он доставался Танюше. Перед школой, на завтрак, ей делали бутерброды из вкусного белого батона. Но и она не осталась в долгу.

Однажды в школьный буфет привезли печенье «Садко». Сестра попросила у классного руководителя денег в долг, чтобы купить лакомство. Буфетчица насыпала печенье в большой бумажный кулёк, свёрнутый конусом с закрученным внизу основанием. Таня на вытянутых руках, не дыша несла богатство домой. Потом мама выдавала мне по одному печеню в день, и я с удовольствием грызла сладкие коричневые квадратики с горьковатым привкусом шоколада. Когда начали прорезаться зубки, дёсны нестерпимо чесались и печенье было спасением.

Много лет не могла понять, почему, когда покупаю «Садко» и сразу откусываю, накрывает тёплой волной нечётких воспоминаний, почему вкус печенья возвращает в детство. Когда же Танюша рассказала эту историю, всё сразу стало на свои места.

До трёх лет я не разговаривала. Не было достойного собеседника. Понимала меня только Танечка. Зато потом прорвало – не остановить. Всё время болтала, рассказывала небылицы, истории, которые придумывала на лету.

Любила слушать пластинки на радиоле. Та гордо возвышалась на тумбочке в большой комнате, вся из полированного светлого дерева с золотой решёткой на боковой стенке и витиеватой надписью «Жигули» на передней панели, обтянутой атласной жёлтой тканью. Внизу были клавиши и две круглые ручки, которые очень хотелось покрутить. Вверху открывалась крышка, на диск ставилась пластинка, на пластинку – игла звукоснимателя. И по комнате неслась песня... Помню только, что про Дунай. И я представляла себе далёкие страны, красивых людей, прекрасные реки, озёра, горы. Из сказок любимой была «Как слонёнок пошёл учиться», которую слушала не меньше тысячи раз, пока пластинка не стала заедать.

Мне четыре года. Маленький город Буй в средней полосе России. Мост через реку, светит яркое солнце, тепло. Бегу по нему в белorozовом воздушном платье, ветер колышет подол и поднимает его. Смеюсь, руками опускаю вниз, ещё

немного и мы с сестрой добежим до киоска с мороженым. В нём продают самое вкусное мороженое на свете! Улыбающаяся продавщица в белой накрахмаленной наколке достаёт из молочного бидона большой ложкой и накладывает в вафельные стаканчики. Они хрустящие и все разные, светлые, потемней, некоторые даже немного подгорелые. Откусываешь кусочек и мороженое прохладой растекается по языку... Иногда попадались комочки сливочного масла, которые тут же таяли, и мороженое становилось ещё вкуснее! Это был настоящий пломбир, двух видов с изюмом и без. Я любила с изюмом! Это было мое любимое мороженое из детства, не считая ленинградское эскимо за 11 копеек, но оно было уже намного позже.

И самое красивое платье с бантом, две шёлковые ленты были вшиты в боковые швы и завязывались пышным бантом сзади на талии. Любовь к ярким, нестандартным нарядам осталась у меня с детства навсегда.

Мама Анфиса была строгая. Всегда говорила нам с Таней, что лучше горькая, но правда, и очень ругала, если нарушали это правило. Помню, как все во дворе вышли гулять с бутербродами из белого батона, с маслом и сахаром, – и кристаллики, белые, крупные, переливались на солнце. У меня просто слюнки потекли. При этом масло никогда не любила и ножичком счищала с хлеба, отправляя снова в маслёнку. Но очень же хотелось присоединиться к компании поедателей бутербродов.

Тихонько вернулась на кухню, отрезала широкий ломоть батона, щедро намазала маслом, посыпала сахаром, на цыпочках вышла из кухни. Затем по коридору выскочила в подъезд – и только собралась откусить заветное лакомство, которое мысленно съела уже несколько раз, как в дверях показалась мама. Она спросила: «Тася, ты зачем приходила? И что у тебя в руках?» Бутерброд быстро полетел на пол, протянула руки, показала, что ничего у меня нет. Однако мама не поверила. Спустилась по лестнице, подняла бутерброд – а мне было приказано быстро идти домой, где ждало суровое наказание за враньё.

Мама гонялась за мной с ремнём по всей комнате, приговаривая, что на улице есть неприлично, кусочничать вредно, а обманывать родную мать тем более. Мы, как две пони, бежали вокруг стола по кругу: я от неё, а она за мной. Затем, устав от такого активного времяпрепровождения, бухнулись на диван, обнялись и разревелись. Я от обиды, а мама от бессилия. Ведь так и не догнала же – ремень свирепо свистел в воздухе, но рука возмездия до меня и не дотянулась.

Когда дома был папа Виталий, наступал праздник: он приносил разные дефицитные вкусности. В лавочке для моряков продавалось много всего. Ведь их очень ценили за трудную и опасную работу. Дома у нас были сгущёнка, маленькие шоколадки с рисунками из сказок Пушкина, зефир, сливочные конфеты, апельсины, красные венгерские яблоки.

Я ходила за папой хвостом, помогала по хозяйству. Вме-

сте с ним строгала, пилила, колотила, забивала гвозди, и он меня не прогонял. А ещё папа сделал для меня кукольный мебельный гарнитур: диван, кресло, стол, сервант. Целое богатство для маленькой девочки!

Меня редко оставляли дома одну. Но если это случалось, то проказничала на полную катушку. Очень нравилось залезать на трёхстворчатый шкаф. Сначала нужно было принести табуретку из кухни, на неё поставить стул, потом подтянуться, и вуаля – к нам приехал цирк. Воздушная гимнастка сидит и болтает ногами, а внизу совсем незнакомая комната. Обратно, на пол, возвращалась на раскрытом зонтике. И как только ноги не переломала?

Лекарства – отдельная история. В серванте у нас была полочка, где лежали таблетки, порошки, горчичники, градусник, вкусные витаминные порошки жёлтого цвета. Конвертик с витаминкой выдавали один раз в день, но очень хотелось попробовать и другой порошок, белый. Как-то раз все ушли по делам и оставили меня одну. Проникнув в сервант, стащила белый порошок, развернула конвертик, всё содержимое стряхнула к одному краю и высыпала в рот. Ужас! Лекарственная горечь вспоминается мне и сегодня настолько ярко, что сейчас же пойду попью воды, дабы спокойно пережить эти несладкие воспоминания... Не берите, дети, без разрешения родителей лекарства: мало того, что ими можно отравиться, так они ещё и невкусные. Тогда я поняла, это на всю жизнь. Опыт – полезная штука!

Ещё любила залезать к сестре в стол и доставать её карандаши, краски, альбомы, чернила, ручки, тетради. Найденные сокровища раскладывала на полу, любовалась, перекладывала и снова любовалась. У меня тоже имелись свои детские рисовальные принадлежности, но Танины же были куда более настоящими. Тонко наточенные карандаши в большой картонной коробочке. Пахучие краски – в металлической: крышка открывается, а там – яркие-преяркие цвета! Альбомы толстые, а не мои тоненькие. После, конечно, старалась всё разложить по местам, но каждый раз забывала, что, где, как лежало, и вечером от сестры получала нагоняй.

Хорошо запомнился один случай. Родителей дома нет. Я что-то натворила и не прошу прощения, так как не чувствую вину. Стою за дверью в углу, сестрою наказанная. Там же на крючке висит сетка с апельсинами, килограмм пять, не меньше. И я поедаю один за другим, пока не становится плохо. Вот уж побегала тогда Таня вокруг меня! И больше в угол не ставила.

Любовь к книгам прививала тоже сестра. Она ходила в библиотеку и приносила красивые издания с иллюстрациями. Чётко помню книгу со стихами Агнии Барто: перед глазами стоят картинки с несчастным медведем без лапы, мокрым зайцем, брошенным под дождём хозяйкой. Таня мне читала, а я, свернувшись на диване калачиком, слушала.

Но вот приближаются семь лет, скоро в школу. Старшая сестра учит алфавиту. Буквы «М» и «Н» так похожи, и они

уже в десятый раз путаются! Таня сердится и бьёт букварём по голове. Реву, обидно, ненавижу все буквы на свете! Но юная учительница, взяв напором, вбила-таки алфавит в мою голову.

Вскоре книга стала для меня ценнее, чем самая вкусная конфета. Чуть позже начались чтения ночью с фонариком под одеялом, в школе под крышкой парты, в транспорте, если повезёт и достанется сидячее место. Проглотив все книги в детской библиотеке, перешла на взрослые в одиннадцать лет. Прочитала «Тихий Дон» Шолохова, и мне понравилось, особенно про любовь!

Ну, любовь у меня тоже была. Впервые влюбилась лет в пять. Мальчика звали Саша, а фамилия Баранов. Жил на последнем этаже нашего двухэтажного дома, ходил во второй класс – для меня тогда он был взрослый, как студент! Часто поджидала Сашу Баранова у подъезда, делая вид, что он меня нисколько не интересуется. Но он, конечно, не обращал на меня никакого внимания. Так, мелочь пузатая крутится под ногами.

Перед школой родители отправили нас с Таней отдыхать на Азовское море, в Ейск. Всю дорогу смотрела в окно, ждала, когда же появится море. И дождалась. Оно, золотое от солнца, обрушилось на меня бескрайним простором, а песчаные берега смотрелись как рама дорогой картины. Приехали ночью, пошли сразу купаться – вода была тёплая, как парное молоко. Такого наслаждения от моря больше ни-

когда не получала.

Таня надо мной издевалась, каждое утро заставляя пить для здоровья гоголь-моголь. Ну и гадость, я вам скажу. Но днём уж отыгрывалась: как только видела парней, которые с интересом поглядывали на сестру, тут же подбегала и кричала: «Мама, мама, пошли со мной!» За такие выходки получала нагоняй, но это было уже потом.

А в поезде, когда ехали назад в Мурманск, мне пришлось всю ночь не спать и сторожить Таню, чтобы не украли. Она была красавицей – голубоглазая блондинка с великолепной мраморной кожей и очаровательной улыбкой. Я слышала, что молодой офицер всерьёз предлагал ей выйти с ним на какой-то станции, звал замуж. Он был коренастым, круглолицым, всё время вытирал пот со лба платочком и страшно мне не нравился. Таня не согласилась, но он, видно, ещё на что-то надеясь, написал адрес на бумажке, положил её на стол и вышел.

Родители нас встретили. Мы одарили их южными плодами – чемоданом абрикосов и большим арбузом, дружно съеденным дома.

Завтра в школу. На стуле висит форма – коричневое платье в складочку, с белым воротничком стоечкой, и белый же фартук. Внизу стоят красные туфли с ремешком, особая моя гордость – там есть каблучок. Правда, всего один сантиметр, но это уже не сандалии...

Глава 2. Родители

Родители мои родом из Костромской области: папа из деревни Королёво, недалеко от города Шарьи, мама из деревни Терехово, Буйского района. Здесь очень красивая природа – леса, поля, реки, чистейший воздух.

Про Королёво папа рассказывал интересную историю. В конце XVIII века три брата пришли то ли с Дона, то ли из Сибири. Раскорчевали лес, засеяли поля, построили дома. Приусадебные сооружения все под одной крышей. На сеновал можно было въехать на лошади с повозкой. Так в этих местах никто не строил! Взяли жён из соседних селений, назвали свою деревню «по-королевски» и зажили в сытости и достатке. К 17-му году имели лавки в Москве и Петрограде (ныне – Санкт-Петербург). После раскулачивания вся деревня переехала в Мурманск.

Родители рано осиротели. Маму воспитывала мачеха, отца – сестра, которая была старшего его на два года. Горя хлебнули сполна, ласки не видели, не знали, что такое настоящая семья.

Мама в Великую Отечественную войну работала проводницей на санитарном поезде. Повидала многое. Помогала, чем могла: перевязывала, кормила раненых солдат. Ужасно уставала. Зато ей выдавали продуктовые карточки, которые она оставляла младшей сестре и брату.

Маме тогда было восемнадцать, но выглядела она как ребёнок, худенький и очень старательный. Её все любили, жалели и подкармливали.

Однажды, после нескольких напряжённых дней приёма раненых, маме разрешили поспать. Она закрылась в купе проводника и крепко уснула. И тут началась бомбежка. Снаряд попал рядом с маминым вагоном, и состав перевернулся в образовавшуюся огромную воронку. После того как бомбардировщики улетели, девушку не смогли найти ни среди убитых, ни среди раненых, ни среди живых. Тогда один из солдат перелез в вагон через разбитое окно и смог до неё достучаться. Мама так крепко спала, что ничего не слышала.

Санитарный поезд с юной проводницей первым приехал в Ленинград после снятия блокады. Больше мама ничего нам не рассказывала. Не хотела вспоминать.

Папа воевал. В восемнадцать лет оказался на фронте. В штрафной роте: так наказали за прогул. Он тогда потерял продуктовые карточки, пропуск на завод и все документы, а без них на работу не пропустили. Вечером за ним приехали. В камере просидел один день, а утром предложили на выбор: или в тюрьму, или на фронт. Выбрал второе.

Сначала был пулемётчиком в штрафной роте 97-й стрелковой дивизии 3-го Белорусского фронта под Кёнигсбергом (Калининград). В первом же бою единственным из роты остался в живых. Нашли его у пулемёта без сознания, но живого. Лёгкая контузия.

Затем воевал уже в обычных войсках, пока в одном из жесточайших боёв за небольшую деревушку в пятнадцати километрах от Кёнигсберга не был тяжело ранен в голову. Осколком снаряда ему оторвало левую щёку и часть носа.

Но ему повезло: медсестра под свистящими пулями и взрывами снарядов перевязала рану и вынесла солдата с поля боя. Дотащив до лазарета, передала врачам. Кто она, ангел, который спас отца от смерти и дал шанс его будущим детям появиться на свет? Ведь не заметь она вовремя раненого бойца, не было бы нас с Танюшей. Спасибо, сестричка, и низкий поклон!

Оперировали в полевых условиях. Затем направили отца в московский госпиталь, где ему пересаживали кожу несколько раз в течение года. Материал брали с ягодицы и, как смогли, восстановили лицо. Молодость брала своё, раны затягивались.

День Победы отец встретил в Москве. Рассказывал, как поначалу каждого переполняла радость: все обнимались, целовались, стихийно начинали петь, плясать. К вечеру первые эмоции уже улеглись. И когда запустили салют, раненые молчали, а многие плакали. Вспоминали родных и близких, которых не вернуть. Вот такая она – радость со слезами на глазах.

Папа почти никогда не говорил о войне. Только однажды. Ему тогда было уже около семидесяти, и мы 9 мая всей семьёй собрались за праздничным столом.

Отец выпил рюмочку и загрустил. Поглаживая награды, рассказал, что как-то раз убил немца, глядя тому в глаза. Похожего на него самого: светловолосого, курносого и веснушчатого. Шли в бой, добежали до вражеского окопа. Папа прыгнул – а там лопухий мальчишка, смотрит на него и наводит винтовку. Отец успел выстрелить первым. Прошло пятьдесят с лишним лет, а он в подробностях помнил то мгновение. Помолчав, тихо сказал: «Дети, это война. Или он меня, или я его».

Тот День Победы был одним из последних наших с папой праздников. В семьдесят его не стало...

Во время войны мама с папой и познакомились. Случайно, в парикмахерской. Отец служил в Буе и, когда отпустили в увольнительную, зашёл подстричься. К слову сказать, волосы имел красивые, густые и вьющиеся. В парикмахерской было два мастера и несколько девушек, которым делали модную завивку. Девчонки щебетали, смеялись. Только одна читала газету и даже не подняла головы, когда вошёл он – бравый солдат, хорошо сложенный, улыбочивый, ещё и пошутить мастак.

Отца быстро обслужили. Он полюбовался на себя в зеркале и, отбивая чечетку, спросил: «Ну, девчонки, кто за меня замуж пойдет?» Все заговорили наперебой: согласны хоть сейчас! Только одна как читала газету, так и продолжала читать. А была вполне ничего: рыженькая, можно сказать, золотоволосая, с красивыми, глубокими, яркими серыми гла-

зами и востреньким, аккуратным носиком. Появилось желание проследить за несмеяной и познакомиться поближе.

Оказалось, работает на вокзале буфетчицей. Белая накрахмаленная наколка на её голове смотрелась как корона. На работе девушка улыбалась, и хорошее настроение было ей весьма к лицу. Подойдя к стойке, папа купил лучшую коробку конфет и попытался с красавицей познакомиться. Однако ничего не вышло. Королевна отказала: «Купили конфеты? А теперь идите своей дорогой, не мешайте работать». Пришлось на первый раз отступить.

Но папа не сдавался и еще несколько раз приходил к гордой Анфисе. С каждым разом она встречала его всё приветливее и, наконец, согласилась на свидание.

Встретиться должны были через неделю, в следующую увольнительную, и предприимчивый жених задумал удивить королевну подарком. Он работал сапожником, шил обувь командному составу. И что ему стоило сшить женские!

Это были замечательные кожаные тёмно-бордовые сапожки с наборным каблучком. Где он в то время достал такую кожу – тайна, покрытая мраком. Подарок пришёлся впору, и Анфиса сдалась. Через месяц расписались, а через год родилась доченька Танечка.

Тут, правда, случился небольшой конфуз. Когда папа пришел узнать, кто родился, то растерялся и назвал мамину девичью фамилию. Нянечка гордо вынесла малыша – мальчика. Поздравила с сыном. Папа приоткрыл уголок одеяла

и застыл. На него смотрел кареглазый, черноволосый пацан. Отец отдал ребёнка, передачу и молча ушёл.

Целый час он бродил вокруг роддома, переживал. Затем вернулся и спросил, а родила ли Анфиса Муранова.

– Да, родила, девочку! – ответили ему.

– Быстрее несите, буду смотреть!

В новом свёртке он увидел свою маленькую копию, и счастью не было предела. Светленькая, голубоглазая, прехорошенькая девочка.

– Да, это моя дочка, – гордо сказал папа. – Здравствуй, мой цветочек! Ну, это совсем другое дело...

Виноватая нянечка доставила роженице передачу уже поздно вечером, так как сначала её отдали маме темноволосого мальчика. Потом, когда разобрались, отнесли Анфисе, что осталось. Она расстроилась: не могла понять, почему все пакеты вскрыты и переполовинены. Но когда ей рассказали, в какую историю попал любимый, долго веселилась.

Через три года папу демобилизовали. Он решил вернуться на север – за романтикой и длинным рублём. Да и по родственникам соскучился. Мама не согласилась ехать с ребёнком в такую даль. Тем более работа у неё была хорошая: всегда с едой и деньгами. Родители поссорились, папа уехал.

Из Мурманска редко, но приходили письма, деньги на ребёнка. Таня часто сидела одна дома и скучала по папе. Каждую ночь он приходил в её сны: стоял у кровати в расстёгнутой шинели и улыбался.

Обо всех своих горестях Таня рассказывала серому плюшевому мишке: о том, как любит папу и, что он обязательно за ней приедет, привезет много-много игрушек и сладостей. Посадит её на плечи и, на зависть всем девчонкам и мальчишкам во дворе, пойдёт с ней купаться на Костромку. Будет весело. Она плюхнется в воду, разноцветные брызги окутают их волшебной пеленой, и счастливый смех разнесется по округе.

Однажды малышка в очередной раз разговаривала с мишкой, и её причитания услышала мамина сестра Лидочка, шептунья и быстрая на всякие авантюры. Она недавно приехала из Крыма, была при деньгах и дерзко красива. Спросила:

– Танюша, ты хочешь, чтобы мы поехали к папе?

Услышав утвердительный ответ, взяла девочку за руку, и через двадцать минут они были на вокзале. Купили билеты до Мурманска, затем пошли в буфет.

– Так, Анфиска, собери нам с Таней еды в дорогу, – сказала Лида сестре.

– А далеко ли собрались? – спросила мама.

– В Мурманск, за Виталием. Ребёнок хочет отца увидеть.

Почему мама согласилась – непонятно, ведь могла просто не дать уехать. Но она их отпустила. Значит, всё-таки любила отца и надеялась, что он вернётся. Сама же была гордая и никогда бы не поехала: а вдруг не нужна!

Стоял знойный июль, и о том, что на севере может быть холодно, никто и не подумал. Мурманск встретил путеше-

ственниц серым небом, пронизывающим ветром, мелкой моросью. Тетя Лида сняла толстую вязаную кофту и надела на Таню. Сама осталась в одном платье – сразу видно: женщина горячая.

Первым делом пошли в контору тралового флота. Тётя Лида представилась женой Муранова Виталия и узнала, что через два дня судно должно прийти в порт.

А пока определились с жильём: сняли угол у какой-то морячки, которая их пожалела. Слава богу, погода наладилась, и на следующий день резко потеплело.

Гуляли по Мурманску. После Буя он казался таким величественным и красивым! Центральный проспект был широкий, весь в каменных пятиэтажных зданиях, восстановленных после войны. Фасады украшены белыми балконами с лепниной. На площади Пяти углов стояли деревянные двухэтажные дома с выложенными рядом дощатыми мостками для прохожих.

В магазинах какую только рыбу не продавали: и свежую, и копченую, и вяленую, и солёную. В Буе такой не было! Особенно вкусным оказался окунь горячего копчения. Раскроешь его – а внутри сочная белая мякоть, с жирком ближе к спинке. Так они наслаждались дарами моря и ждали папу.

Через два дня пошли в порт. Таню через проходную не пропустили. Но тётя Лида не растерялась, подкупила охранника, и Таня пробежала в порт вслед за очередной машиной. Лида взяла племянницу за руку, и они направились

к причалу.

Пришвартовалось судно. На берегу стоят встречающие. Женщины машут руками и косынками, моряки гремят в ответ. И вдруг Танюша увидела отца. Как она кричала! В этот момент все притихли, слышался только её детский, надрывный голосок:

– Папа, папочка мой, я приехала!

Отец замешкался. Потом пригляделся, увидел свою Танечку и тоже замахал руками, что-то радостно кричал в ответ.

Проворные моряки быстро перекинули трап с корабля на причал, и папа сбежал к ним. Красивый, загорелый, пахнувший солью, морем и рыбой. Всё было так, как девочка себе и представляла: он подбрасывал её, прижимал к себе и снова подбрасывал, а она хохотала от счастья.

Папа спросил:

– Почему не приехала Анфиса?

– Она ждёт тебя в Буе, – ответила тётя Лида.

Отец повёл их на судно, оставил в кают-компании, а сам пошёл к капитану. Пояснил, что причина уважительная: за ним приехала супруга с ребёнком, – и его списали с корабля.

На следующий день папа уладил бумажные дела, получил зарплату. Тут же пошли в магазин и купили Тане красные ботиночки и летний светленький плащик с капюшоном, отороченным рюшечками. А главное – с двумя накладными кар-

манами: в Мурманске они всегда были набиты конфетами.

Когда выходили из магазина, Таня застыла у прилавка. В коробке стояла большая фарфоровая кукла, нежнолицая и белокурая, в розовом шёлковом платье. Отец заметил восторг на лице ребенка и тут же купил игрушку. Танюша никогда раньше не видела таких красивых кукол. Девочка несла своё сокровище, и счастье переполняло её.

Всё сложилось так, как хотела Таня. Они вернулись в Буй, родители помирились и через две недели снова уехали в Мурманск. Но уже вместе, семьей.

Там они неделю прожили на вокзале: с ребенком никто не хотел пускать на квартиру. Затем сняли комнату высоко в сопках, на улице Строительной, у дедушки Лени, который их пожалел. На следующий день отец снова ушел в море.

Несколько лет прошло, пока семья получила квартиру в районе Больничного городка. Вот уже в неё-то меня и принесли после роддома.

Глава 3. Школьные годы

1 сентября 1967 года. Старая школа №28 на Больничном городке. Мы с мамой подходим к дверям, переступаем порог – и вот я, девочка с большими бантами и испуганными глазами, становлюсь первоклассницей.

У входа нас встречает классный руководитель Анна Францевна. Она спокойная, добрая и какая-то домашняя. Мама уходит, и я остаюсь одна. Учительница, построив нас парами, ведёт в класс.

В помещении высокие потолки и огромные окна. Анна Францевна просит сесть за парты и начинает с нами знакомиться: читает фамилии по алфавиту, а мы встаём по одному, говорим «Я» и садимся.

Затем учительница рассказывает про нашу страну: какая она большая, красивая и многонациональная. И как нам повезло, что мы родились здесь. Ведь Советский Союз заботится о своих детях: образование у нас бесплатное, в отличие от капиталистических стран.

После нас просят взять букеты и снова построиться парами. Пришло время идти на школьную линейку.

Большой актовый зал. Из окон струится свет. Мальчик-старшеклассник с девочкой на плече быстро пробегает по кругу. Первоклашка с огромными бантами, больше похожими на пропеллеры, беспощадно трезвонит колокольчи-

ком. Первый школьный звонок в моей жизни.

В школе нравилось, особенно перемены и дни рождения одноклассников, когда мамы из родительского комитета раздавали нам конвертики с конфетами. Казалось, что все дети в классе родились осенью: угощения были почти каждый день.

С учёбой же поначалу не складывалось. К третьему месяцу всё наладилось, стала получать пятёрки и четвёрки. Но тут нам дали новую квартиру, и мы переехали в другой конец города, к Семёновскому озеру.

В квартире пахло краской и штукатуркой, зато было тепло. В первый день спала в ванне на перине, потому что не успели расставить мебель. До сих пор помню то ощущение: как будто находишься в берлоге. При каждом повороте перина словно вдыхала и выдыхала, издавая «шепчущий» звук. Мне так нравилось, что специально крутилась, пока не уснула.

В новой школе всё было по-другому. Учительница молодая, симпатичная, но я ей не приглянулась – до сих пор не могу понять почему. Каждый раз жаловалась на меня маме: не так повернулась, не то задание сделала, бегала на переменке, громко кричала. Хотя я была просто нормальным, живым ребёнком, а не тихоней или подлизой.

Зато у неё была любимица, Людка Хорошилова, с рыженькими редкими волосиками, заплетёнными в тоненькие круглые барашки. Веснушчатая, с широким ртом, как у Бурати-

но. Вот она всегда всё делала как надо, и её промахи вообще не замечались. Интересно, как у неё сложилась жизнь?

Моей радости не было предела, когда нас перевели в другую, только открывшуюся школу. Туда зачислили детей, которые недавно переехали в новые квартиры. Мы все были новенькие, на равных правах, по-честному.

Четвёртый класс. Разные учителя, много предметов. Нужно переходить из класса в класс, ходить по длинным коридорам – и не заблудиться.

К тому времени полюбила читать и после уроков бежала в библиотеку за порцией новых интересных книг. Представляла себя путешественницей, жила на необитаемом острове, брала на бордаж корабли, вместе с Элли и Тотошкой спасала волшебные страны от злых волшебниц. Этот мир был мне ближе.

Появились подружки: смешливая Валечка, беленькая и кудрявая, да Олечка с копной рыжих волос. Они были моими слушателями. Мы собирались у кого-то из нас дома, садились в кружок, и истории из меня сыпались как горох.

В субботу шумной ватагой ездили в центр города, в кафе «Холодок» – полакомиться развесным мороженым. Его накладывали в блестящие металлические креманки на тонкой ножке, сверху шарики посыпали шоколадом или поливали сиропом, а лучше всем сразу. Было очень сладко, но так вкусно!

В шестом классе почему-то мой дом снова отошёл к ста-

рой школе. Пришла на первый звонок – всё чужое: и школа, и дети. Отсидела уроки, решила идти к директору. Постучала. За столом – пожилой добрый мужчина.

– Здравствуйте, – говорю, – меня зовут Тася. Не хочу учиться в вашей школе.

– Почему?

– Хочу в школу, в которой училась раньше.

– Ну, если так категорично, то пускай мама приходит, забирает документы. Насильно держать не будем.

Проявив самостоятельность, ушла из математической школы в обычную – и не жалею.

Перевестись оказалось очень просто, и во вторую смену уже сидела в любимом классе со своими товарищами.

После восьмого класса многие ушли, нас перемешали и сформировали три класса вместо четырёх.

Меня посадили с красивым светловолосым кудрявым мальчиком, который целый урок смешил и дёргал за косу. На следующем уроке сбежала от него к подружке. Если бы знала, что он моя первая любовь, наверное, так опрометчиво бы не поступила.

Через две недели должны были идти в поход. Все пришли с рюкзаками, в предвкушении песен под гитару у костра, печёной картошки и чая из лесных ягод в котелке. Но нас ждало разочарование: классная руководительница заболела, нужно расходиться по домам. Но очень не хотелось...

Тогда мальчишки взяли инициативу в свои руки: предло-

жили поехать на электричке за город. Все согласились и пошли на остановку. Но тут меня стали терзать сомнения. Много раз ездила с родителями в лес на электричке и знаю, что возвращается она поздно вечером. Мама будет волноваться, а у неё сердце. Смотрю на Олю. Вижу, она тоже начинает сомневаться по поводу этой авантюры. Мы не сговариваясь заходим за автобус – и он уезжает без нас.

В понедельник только и было разговоров, как им попало от родителей, кто потерялся, кто с кем целовался. Ко мне подошёл бывший сосед по парте, поинтересовался, куда мы с подружкой делись. В ответ лишь пожала плечами и улыбнулась.

Прошло две четверти. На зимних каникулах поехали на турбазу. Классная руководительница спала (на всякий случай) у входа в комнату девочек, чтобы с нами чего-нибудь не случилось.

Два дня мы строили и штурмовали крепости, кидались снежками, кувыркались – веселились на полную катушку.

Во всей этой кутерьме Сергей Заворохин, ухажёр подружки, делает мне подножку. Падаю и сильно ударяюсь локтем о глыбу льда, твёрдую как гранит. Резкая боль сразу отдаёт в голову и начинает пульсировать. Нет сил, хочется спать. По дороге к домику физрук просит донести стулья в актальный зал, где будут танцы. Но не могу, отказываюсь. Почти на автопилоте дохожу до кровати и проваливаюсь в сон. Просыпаюсь уже утром. Голова не болит, только ноет локоть. Но кто

в детстве не падал?

Лето. Едем в посёлок Радсад под Николаевом, в летний комсомольский трудовой лагерь. Утверждаем кандидатуры, и вдруг оказывается, что я – недостойна.

Встал физрук Роман Михайлович и заявил:

– Тася Муранова зимой отлынивала от общественных работ: на турбазе отказалась носить стулья. Комсомолки так не поступают.

Пришлось защищаться:

– А вы спросили, почему не стала носить стулья? Нет, не спросили. У меня сильно болела голова, поднялась температура, и я шла в комнату спать.

Моя ли пламенная речь повлияла или же в лагерь брали всех – но в список включили.

Приехали. Во дворе школы развёрнут палаточный городок, внутри железные кровати и никаких удобств. Так прожили два дня, пока сильный ливень с грозой и шквалистым ветром не растерзал наше жильё. Сорвало верёвки с колышков, палатки страшно бухали и стонали. Под проливным дождём бежали с вещами в школу, ночевали в спортзале. Мальчишки перетасили нам матрасы, положили на пол. Оказалось, что спать в зале всё-таки лучше, чем под звёздами, поэтому там нас и оставили.

Чувствовали себя взрослыми. В первую половину дня работали, во вторую отдыхали, вечером – танцы.

Сначала нас поставили на прополку помидоров. Поле –

с аэродром, работать под палящим солнцем. Через пару часов двое уже лежали под деревьями с солнечным ударом. Начальник лагеря куда-то ездил, ругался, наверное, с руководством совхоза. Подъехала грузовая машина, нас посадили и увезли собирать яблоки.

Яблоки – это здорово, а какой запах! Правда, надо было залезать на стремянку, а где-то и по веткам. Но я девочка сильная, цепкая: не зря два года проходила в цирковую студию. От мальчишек не отставала, а девчонки вообще не могли за мной угнаться. Наш счетовод только и успевал ставить плюсики напротив моей фамилии.

Обед. Какое ласкающее слух слово для молодого, растущего организма! Еду привозили в сад. Мы рассаживались по ящикам и с аппетитом наворачивали всё, что нам предлагали. Впервые дни, правда, куксились: невкусно, мошка попала. А через неделю не мешала даже упавшая в тарелку гусеница: её спасали, а суп доедали. Так есть хотелось! На второе всегда была перловая каша с котлетой. Но и каша на природе поглощалась быстро. Ну а про компот и говорить нечего: он был просто вкусный, и все хотели добавки.

После яблок собирали вишню, черешню. Ягоды крупные, жёлтые или бордовые, почти чёрные. Мне нравилась жёлтая черешня, блестящая, мясистая. Сожмёшь её зубами, и сок в разные стороны. Облизываешь губы – и тянешься к ветке за следующей.

Вот подвязывание виноградных лоз – это испытание.

Идёшь, идёшь, а отведённый участок не заканчивается. Приходилось даже иногда во второй половине дня возвращаться доделывать. Работа монотонная, нагоняла сон. Иногда ложилась под лозу и засыпала – просыпалась и работала дальше.

Вечером, перед танцами, менялись нарядами, делали немыслимый макияж, маникюр. Потом оценивали друг друга, что-то подправляли и, довольные собой, шли царствовать на танцплощадке.

У меня были золотые, как зрелая пшеница, волосы ниже пояса, прямые, но непослушные. Хотелось как-то изменить себя – отрезала чёлку. В тот же вечер от кавалеров не было отбоя. Семеро местных парней пригласили на свидание. Даже для вида с одним погуляла вокруг школы, но только чтобы мной заинтересовался тот самый одноклассник. Который к тому времени стал нравиться, но – вот незадача – уже перестал обращать на меня внимание, хотя иногда и танцевал со мной.

После дискотеки у нас был ритуал. Каждый день мы покупали чёрный хлеб и консервы «Завтрак туриста». Буханку разрезали на восемнадцать кусочков, на которые тонким слоем намазывали рыбную массу из баночки. О, это были самые аппетитные бутерброды на свете, вкуснее даже, чем с сёмгой или красной икрой.

Потом как-то попробовала такой же через несколько лет, в лодочном походе по Селигеру. Ну и гадость! Но тогда это казалось божественным лакомством.

В трудовом лагере у нас было всё, даже бунт. Мальчишки украли у местных жителей двух кур и зажарили их в глине на костре. Зачинщиков решили отправить домой. Мы встали на их защиту, забаррикадировали дверь и целый день не выходили на работу. Начальство сдалось, но поставило условие – отдать хозяйкам деньги за кур. Пришлось собирать. Больше не воровали.

В лагере заработала 76 рублей – большие деньги по тем временам. Всё до копейки отдала маме. Мне купили отрез ткани, сестра сшила красивое форменное платье из синей шерсти в рубчик. Ни у кого такого не было!

Десятый класс. Год промчался – как один миг. Нужно было учиться, подтянуть оценки, хорошо сдать государственные экзамены.

Выпускной вечер не за горами. Конечно, как и любая девочка, мечтала о белом платье. Вот иду я, такая красивая, и все мною даже не любуются, а просто восхищаются!

Как-то раз зашли ко мне девчонки из класса. У них были сигареты «Космос». В принципе, я не курила, но, когда все демонстративно уселись нога на ногу с сигаретой в руках, – тут же присоединилась. Сидим, дымим.

Вдруг звонок в дверь. Смотрю в глазок: мама. Бегом в комнату:

– Девчонки, шухер, мама пришла! Открывайте окно, проветривайте. – Быстро кинула им освежитель воздуха с еловым ядрёным запахом и побежала открывать дверь.

Мама вошла. Не знаю, заметила ли, но мне ничего не сказала. Может, и правда освежитель перебил запах сигарет. Сказала только:

– Быстро собирайся. Зашла в ателье, кто-то на сегодня отказался от своей очереди, нужно бежать. Пообещали к выпускному сшить тебе платье.

Девчонки быстро разбежались, а мы с мамой пошли в ателье.

Заказала платье по фигуре из тонкого шёлка с серебряным люрексом и рукавами три четверти. Теперь наряд будет, осталось сдать экзамены.

Мне повезло на всех предметах: билеты вытаскивала удачные. Шпаргалками не пользовалась. Почерк был ужасный, и, если бы даже и писала их, во время экзаменов не смогла бы разобрать свои же каракули. Обходилась без подсказок.

И вот экзамены позади. Аттестат – на твёрдую четвёрку. А не надо было расслабляться в девятом классе – теперь поздно каяться. Последний звонок прозвучал, экзамены сданы, завтра выпускной!

Утром поехала в парикмахерскую в центр города. Хотела сделать взрослую причёску, но не получилось. Мастер сказала, что длинные волосы не сможет уложить, поэтому стянула их резинкой и завила.

Расстроилась. Стою у заднего окна в троллейбусе, плачу. Вдруг слышу:

– И чего девчонка рыдает? Очень даже симпатичный у неё хвост.

Сразу успокоилась. Пришла домой, села за стол в большой комнате, поставила большое зеркало и стала колдовать над макияжем.

Всё получилась, как я хотела. Танцевала весь вечер только со своей симпатией, но оба мы почему-то молчали, будто языки проглотили. Во время последнего танца он сказал, что все едут к кому-то на квартиру, уже куплено спиртное. Спросил, поеду ли я с ним. Мне же хотелось другого: мечтала всем классом встретить рассвет, а перед этим погулять по улицам города, полюбоваться заливом, сопками, почитать стихи... И я ничего не ответила.

Но всё, о чём мечтала, мы сделали с подругой Ольгой. Спустились в город, ходили по проспекту Ленина, отдохнули в сквере на Пяти углах. Потом поднялись в сопки к памятнику Алёше, просидели несколько часов на деревянной скамеечке у большого камня. Любовались заливом, солнцем, которое в это время года светит у нас круглый день. И мечтали обо всём на свете. А потом, уже в четвёртом часу утра, пошли пить чай ко мне домой.

Мама встретила нас радостная, угостила вкусным чаем с большой коробкой шоколадных конфет, видно, припасённой для такого случая.

Олю проводили домой. Утром нужно было идти за аттестатом в школу, но вместо меня сходила мама. Когда просну-

лась, аттестат уже лежал на столе.

Мама рассказала, что часов в двенадцать ночи к ней пришли две родительницы и забили в набат: дети купили много спиртного и нужно идти их спасать. Адрес был с трудом добыт у одной из мам, которая и дала ключи от квартиры родственников.

И мамы воинственной группой пошли нас спасать. Дверь им открыли. Все пьяные, меня нет, кто-то закрылся в туалете. Мама чуть не выбила дверь и кричала:

– Тася, открой! Кому сказала, открой!

Дверь распахнулась – там, обнимая унитаз, сидела моя симпатия.

Думаю, у нас с Олей остались более приятные, чем у остальных, впечатления от выпускного вечера. Так и закончились мои школьные годы.

Глава 4. По больницам

Кто как, а я оптимистка. Что вы делаете с талончиком в транспорте? Наверняка сразу же отправляете в карман или сумку. А я складываю цифры, делю пополам, и у меня каждый билет счастливый!

Мне, рыжей веснушчатой зеленоглазке с обалденно красивыми ногами, – семнадцать.

Летом, после выпускного, еду сдавать документы. Не в институт, как мечтала, а в училище. На этом настояла старшая сестра.

– Тайка, у нас пожилые родители. Сначала получи профессию, а после поступай хоть в два института, – сказала она. Пришлось подчиниться.

Кроме того, как будто для меня в этом году открыли набор в группу фотографов. В школе с младших классов была незаменимым фотокорреспондентом. При этом одноклассницы меня не любили (завидовали неземной красоте), а мальчишки глазели, но боялись подойти.

У меня была страшная тайна: была влюблена в голубоглазого и светлокудрого Сергея... Но об этом никто не знал, даже близкие подружки. К обрушившемуся чувству оказалась не готова и усиленно сопротивлялась, но об этом позже.

Документы приняли. Через несколько дней на стенде наша семья появилась в списках и спокойно наслаждалась на-

шим северным летом до 1 сентября.

В группу зачислили около двадцати студенток. Куратором назначили Елену Валерьевну, девушку чуть старше нас. Она недавно окончила техникум где-то в Сибири и была направлена по распределению в Мурманск. Опыта преподавания не имела ни дня, однако легко справлялась с нами.

Елена Валерьевна была стильной, в модных джинсах на длинных ногах, с яркими глазами и губами, короткой стрижкой и кокетливым носиком с лёгкой горбинкой. Красиво курила «Мальборо», загадочно улыбалась, и мы приписывали ей фантастические романы с крутыми мужчинами.

Первый учебный день начался с собрания. Выбирали старосту группы. Предложили меня и Ольгу Зотову. Угадайте, кто победил? Ну конечно, победа досталась мне. Коллектив подобрался дружный. Девчонки все разные, но светлые, и мне с ними было легко.

Вместе окунулись в мир искусства, творчества, красоты. Не покидало чувство, что создаём нечто необыкновенное! Фотографировали всё и везде, делали портреты друг друга. Так пролетело три месяца, а затем наступил день, который разделил мир на до и после.

Уроки физкультуры проходили в бассейне. Спокойно плавала, пытаюсь не утонуть. Вдруг резкая боль пронзила всё тело, начиная с левого локтя. Увидев, что со мной творится неладное, подплыла Лена Защепка и помогла подняться на бортик. Она проводила меня домой, утешала по дороге

и немного успокоила.

На следующий день с мамой поехали показывать опухшую руку хирургу. Тот развёл руками и направил нас в областную больницу. Сделали снимок, предложили лечь на обследование, стали готовить к диагностической операции.

В больнице было нескучно. В палате лежали пышная мадам 40—50 лет, тоненькая черноволосая Тонечка, не вставшая с постели, и ещё две девочки с лангетами: у одной на руке, у другой на ноге. Уныние нас не посещало, развлекались как могли. Делали по утрам зарядку под мою команду, читали книги, слушали радио, всё время смеялись. А вечером у нас были танцы. Процессом руководила Тоня, которая занималась в балетной школе. Она показывала нам па, лёжа в кровати, а мы повторяли. Думаю, со стороны это выглядело забавно.

Как-то утром пышная мадам узнала от лечащего врача, что её завтра готовят к выписке. Она работала на стройке маляром-штукатуром. Возвращаться от почти санаторно-курортного режима больницы в неуютную действительность, от шёлкового халата к грубому комбинезону, – не хотела. Но я об этом не знала. Иду по коридору, а на меня медленно опадает туша. Сработал инстинкт. Подхватив её за плечи, закричала:

– Помогите! – Сестрички успели вовремя.

Ещё секунда, и мы бы лежали на полу, причём она на мне. Мадам перехватили и дотащили до палаты. Там она стонала

и охала, как в плохом театре, однако своего добила и ещё дня три пролежала с нами, развлекая романтическими историями из жизни.

Рассказывала женщина много, но запомнился эпизод расставания с супругом. После развода она поехала в Прибалтику на море и бросила в набегающие волны обручальное кольцо, подаренное изменником. Сразу представились кадры из немого кино: лицо актрисы с гримасой страдания, глаза, смотрящие в небо с мольбой, и волны, уносящие мечту о любви. Весьма трагикомично.

Через две недели меня выписали. Оперировать не стали, рекомендовали отправить снимки в ленинградский институт. В апреле пришёл вызов, и мы с мамой поехали.

Северная столица встретила нас солнышком и хорошей погодой. Кругом сновали торговцы, предлагали различный товар. Увидев украшение из разноцветного бисера, остолбенела. Бусинки были крупными, разных оттенков – от ярко-изумрудного до приглушённо-зелёного с серебристыми вкраплениями. Ничего красивее в жизни не видела! Мама купила эти бусы, сразу надев их, почувствовала себя невозможно счастливой.

Нужный нам институт расположился недалеко от Петропавловской крепости в старом особняке. Для меня он был просто дворцом.

Зайдя в палату, замешкалась у двери. На меня с интересом смотрели четыре пары глаз. Стало страшно, ведь я впер-

вые была вдали от дома. Неуклюже села на краешек старого кожаного дивана, так как кровати не досталось. В течение недели он был личным островком, где могла, укрывшись одеялом, остаться наедине с собой.

Мы познакомились, и одна из соседок предложила попить вместе чаю. Высыпав сладости, которые купила мама, попыталась тупым маленьким ножиком нарезать лимон. Не получалось. Поднажав, неожиданно для всех и себя перерезала провод кипятильника. Заискрило, замигало, но через секунду освещение восстановилось. Я отпрянула от тумбочки и никакого чая уже не хотела. Чувствовала себя неловко, очень хотелось плакать. Одно радовало – что не убило.

После такого чаепития обстановка в палате стала ещё более напряжённой. Сидела на диване, как провинившаяся школьница. Да, это была не мурманская больница. Здесь лежали тяжелобольные люди с изломанными судьбами.

Следующий день пролетел быстро. Меня осмотрели светила медицины, профессора преклонного возраста. Большой зал, сцена, и я стою раздетая на постаменте и очень некомфортно себя чувствую. Главный врач разглядывала меня как экспонат, что-то эмоционально говорила, а остальные кивали ей в ответ.

Моим лечащим врачом был замечательный Владимир Николаевич Машков: лет под сорок, высокий, поджарый, с искрящимися умными глазами. Мне он казался мужчиной солидного возраста.

Через неделю, пригласив в ординаторскую, доктор объяснил, что руку съедает саркома. Конечность можно спасти, но она не будет сгибаться в локтевом суставе: останется либо прямой, либо согнутой. Такие операции уже проводились и были успешными. Однако он постарается разработать для меня индивидуально способ операции, при котором смогу сгибать руку. Предстоит несколько месяцев тяжёлого труда, так как придётся разрабатывать «по живому». Смогу ли я стать ему помощником в этом деле, – спросил Владимир Николаевич. Медленно кивнула. Говорить не могла, перехватило горло, на глаза наворачивались слезы.

На улице стояла ранняя весна. Солнце светило редко. В институтском парке лежал снег. Часто сидела у окна и часами смотрела на высокие деревья. Казалось, что ветви – это красивые гибкие руки, которые тянутся вверх к небу. Будут ли мои ветви-руки со мной, будут ли помогать жить – ещё не знала.

Ко многим приходили родственники, приносили с собой запах улицы, суету, разговоры. Вечером становилось тихо, больные рассказывали свои истории.

Слева от окна лежала Тамара. Она рано вышла замуж, после рождения дочери перестала ходить. Уже пятнадцать лет передвигалась на коляске. К ней приходил муж, красивый, высокий и добрый. За время болезни жены он от курсанта лётного училища стал капитаном воздушного лайнера и часто летал в рейсы по стране и не только. Было видно, как

нежно они относятся друг к другу. При расставании он целовал супругу, и надежда светилась в его глазах. Мне казалось, он мечтает, что когда-нибудь сможет прогуляться с любимой в Александровском парке, а может, даже станцует с ней вальс на свадьбе у дочери. Тамара после его ухода всегда веселела. В её движениях появлялось что-то царственное: она грациозно вскидывала голову и обводила нас торжествующим взглядом. Чувствовалось, что она бесконечно гордится мужем.

Справа – Вера из Белоруссии. Ей должны были вживить искусственный сустав в тазобедренную кость. Она всё время молчала и тихонько в своём уголке поглощала чёрную икру, которую ей частенько приносила родственница.

Рядом, за моим диваном, лежала молодая украинка Надя из небольшого шахтёрского городка. В детстве перенесла полиомиелит. Девушка была очень худенькой, с кудрявыми чёрными волосами до плеч, большими, живыми чёрными глазами, почти всегда с улыбкой на тонких и бледных губах. Ей сделали уже несколько операций, и еще ряд предстояло провести. Сейчас ей должны были отнять большой палец на ноге, так как от лежачего образа жизни на нём образовался пролежень и началось нагноение. У меня крутился вопрос, почему врачи не заметили проблемы раньше, но я понимала, что никто мне не ответит.

Рядом с дверью разместилась похожая на мужчину Валя, женщина неопределённого возраста с большой головой.

У Валентины был неунывающий характер, и она шустро передвигалась на костылях по палате и коридорам института. Родилась в маленьком районном городишке средней полосы России, в многодетной семье, и до восьми лет передвигалась по-пластунски. Однажды к ним заехали дальние родственники и помогли ей стать на костыли. До этого дня её миром был дом с лужайкой.

И вот завтра у меня операция. Приходил анестезиолог, спрашивал об аллергии на лекарства, о болезнях близких родственников. Дали таблетки, после которых быстро уснула.

Рано утром разбудил стук удара каталки о дверь. Медсестра сделала укол, перевезли в операционную – там было холодно и очень светло. В вену ввели иглу, и анестезиолог попросил смотреть на часы, следить за стрелкой и считать. Дальше ничего не помню.

Очнулась уже в реанимации. Очень хотелось пить. Первым делом проверила руку – на месте! Отлегло. Приветливая медсестра и обратилась ко мне:

– Красавица, как ты себя чувствуешь?

На моём лице расцвела улыбка. Всё будет хорошо, я буду счастливой!

В реанимации провела около трёх суток, рука жутко болела. Сознание было в тумане. Снились пещеры, люди в цепях, капли воды, гулко падающие с потолка. Я чего-то очень боялась и страшно хотела убежать. Просыпалась в поту, пы-

талась звать медсестру, но не хватало сил – и снова проваливалась в это жуткое беспмятство.

Наконец-то перевели в обычную палату – большую угловую комнату, светлую и уютную, с тремя высокими окнами. На этот раз меня положили на кровать, я закрыла глаза и уснула.

Вечером сквозь сон видела, как приходил Владимир Николаевич. Он переложил удобно руку, успокоил, рассказал, что операция прошла успешно. Он сделал всё, что мог, а теперь дело за мной.

Проснулась ночью. Нестерпимо болела рука: её как будто разрывало изнутри. Стала ходить по палате и качать руку, как младенца. Чтобы не мешать отдыхать другим, вышла в коридор. Меня заметила медсестра, спросила, почему не сплю. Ответила, что болит невыносимо. Она посетовала, что ж не пришла раньше, отправила в палату и сделала укол. Боль постепенно утихла, и я заснула.

Так незаметно подкралось лето. Деревья зазеленели, кругом трава, цветы, можно гулять в парке. С каждым днём ко мне возвращались силы и желание наслаждаться жизнью.

Летняя одежда у меня была с собой, и я стала после обеда и всех процедур сбегать в центр города. Ходила по Невскому проспекту и внимательно наблюдала за девушками и женщинами: как они двигаются, что в это время происходит с их руками, туловищем. Нужно было научиться жить с новым телом и сделать так, чтобы мой недостаток не бросался в гла-

за. Люди в основе своей добры, однако в нашем обществе не любят инвалидов.

Пришло понимание, что неважно, какими природными данными одарили тебя Бог и родители. Прямые ли у тебя ноги, есть ли талия, какой длины нос. Главное – здоровое тело. Чтобы конечности были на месте и двигались. Чтобы ты, хоть королева красоты, хоть невзрачная девушка, могла сама распоряжаться своим телом, идти куда хочешь, заниматься, чем хочешь.

Счастье – просто жить, радоваться каждому дню, рассвету и закату, каплям дождя, постукивающим по окну, и первому лесному грибочку, найденному в этом году, да просто улыбке подаренной тебе обычным прохожим.

Через много-много лет, почувствовав неприятные боли в суставе, решила сходить на консультацию в тот же институт. Все сложилось наилучшим образом, приехала к Танюше на день рождения в Санкт-Петербург. Пока она крутилась на кухне и готовилась к торжеству, ушла в комнату, и тихо, чтобы не испортить ей настроение, позвонила и договорилась на консультацию на следующий день.

Утром стала собираться. Вопрос в глазах сестры. Не удержалась, рассказала о своих опасениях.

– Так, еду с тобой, что же ты молчала?

– Не хотела тебя беспокоить... Праздник, дети с Мурманска приехали. Вот сегодня остались одни, сказала...

Ехали молча, переживали. Институт из красивого старин-

ного дворца из центра города переехал на окраину в несколько серых шлакобетонных высотных зданий. Зашли в регистратуру, нас быстро направили по длинным коридорам к хирургу. Приятная женщина врач посмотрев руку, выслушав, отправила делать рентгеновский снимок. Пока искали кабинет, у меня в голове промчались в одну секунду все страшные воспоминания, которые старалась не вспоминать все эти годы. Вдруг, новый виток болезни...

Пожилая врач-рентгенолог с добрым лицом, спросила:

– Милая, где делали операцию и в каком году?

– В вашем институте, в 1979 году. Врач Машков Владимир Николаевич разработал для меня индивидуальную операцию. Наверно он уже у вас не работает?

– Работает, он теперь главный врач хирургического отделения, сходите к нему обязательно, он вас примет. Годы его не изменили, остался такой же добрый!

Взяв снимок, на несгибаемых ногах подошла к кабинету, Таня шла сзади и что-то шептала про себя, наверно молилась.

Зашла, села. Врач долго рассматривала снимок, потом повернулась ко мне:

– Все у вас хорошо. Боли скорей всего на погоду. Предлагаю вам заменить локтевой сустав на искусственный, будет рука такая же, как правая – красивая. Подумайте! У нас как раз бесплатные квоты на такие операции. Советую.

– Подумаю.

Вышла. Села рядом с Таней, выдохнула воздух из груди. Счастье, вот оно счастье!

– Танечка, сказали, что всё хорошо!

Обнялись. Плакать не стали, слёзы пускай и от счастья, но это же слёзы! Не в этот раз.

– Таня, мой врач работает, заведует отделением. Хочу к нему сходить, мне предложили сделать операцию и заменить локтевой сустав на искусственный. Надо с ним посоветоваться!

Гордо, неся документы и снимки, прошествовали мимо охранников. Нас не остановили, вот что значит идти уверенно, с прямой спиной и невозмутимым лицом.

Остановились у кабинета, заглянула в щелку двери. Увидела его, постарел, но такой же подтянутый, с лучистыми глазами. Заглянула.

– Можно, Владимир Николаевич?

– Заходите, по какому вопросу?

– Вы, мне делали операцию 40 лет назад, сегодня на приеме у хирурга порекомендовали заменить сустав на искусственный.

– Давайте снимки, посмотрим, что там у вас. Так, всё хорошо, сформировалась мозоль, локоть в движении. Как вам живется с такой рукой?

– Нормально, не очень красиво, но я научилась скрывать этот недостаток.

– Вот и хорошо живите дальше, с искусственным суставом

рука будет красивая, но никто не даст гарантию, что не будет осложнений, а они могут быть разные вплоть до его удаления, если что-то пойдет не так. Это опасно и больно... Не надо рисковать!

– Так и сделаю, не буду рисковать! Владимир Николаевич, спасибо вам большое! Благодаря вам, у меня всё сложилось в жизни, есть семья, за плечами успешная карьера. Всего вам хорошего, будьте здоровы!

– И вам здоровья!

Очень хотелось подойти к нему и обнять, но что-то сдержало. Он не вспомнил меня, за эти годы были сделаны тысячи операций, но я его помнила, и буду помнить всегда! Мой любимый, добрый доктор, который уходя домой заходил в палату укладывал руку удобно, чтобы не болела и не мешала спать.

Таня, встретила встревожено.

– Тася, что у вас там происходило, ты так сильно кричала! Уже хотела зайти в кабинет.

– Танюша, это я благодарила доктора! Мне так много хотелось ему рассказать. Но смогла, сказать только слова благодарности. Эмоции разрывали меня, поэтому не понимала, что говорю громко.

Она обняла меня, и мы снова пошли по длинным коридорам больницы, но уже окрыленные хорошей новостью.

Глава 5. Прогулки по Ленинграду

Постепенно привыкала к своим новым особенностям. Труднее всего оказалось застёгивать бюстгальтер и мыть голову, но я героически не принимала помощи. Только сама. Умудрялась даже делать маски для волос: так хотелось быть красивой.

Походы по городу продолжались. В этих маленьких путешествиях я представляла себя туристкой. Поэтому в программе значился Эрмитаж, прогулки по памятным местам Ленинграда. Не остался без внимания даже зоопарк.

В те годы мы были лишены хорошей косметики. Зато в польский магазин «Ванда» привозили настоящие тени и тушь, и я часто его посещала.

Возле витрин меня переполняла радость. От всего этого великолепия захватывало дух. Невероятно красивые продавщицы перемещались от прилавка к прилавку плавно, как панночки, и от них веяло чем-то западным. Не смогла устоять и купила набор ароматных теней с шестью оттенками зелёного цвета, от светлого до тёмно-болотного, в белой круглой пластмассовой коробочке с зеркалом на крышке.

Там же впервые увидела тушь не в коробочке, в которую нужно плевать, когда красишься, а в тубе, в виде карандаша, с овальной кисточкой. А какие получались ресницы – на поллица! Продемонстрировала тушь моим подругам по несча-

стью, и мне сразу же заказали несколько штук. Накрасив глаза, похорошела даже наша Валя.

Ленинград стал любовью на всю жизнь. А сейчас мне нравилось сбегать по эстакаде в метро, спешить к поездам, представляя, что живу в этом городе и иду куда-то по неотложным делам. Однажды, гуляя по Невскому, купила прекрасную книгу об Эрмитаже и с упоением вечерами рассматривала иллюстрации. Такое издание в родном городе не купишь. Картины великих мастеров наполняли сердце красотой и желанием делать мир лучше, добрее.

На днях получила письмо из Мурманска от одногруппниц, двух Лен, Кириченко и Защепки. Хорошее послание, девочки пытались поддержать. Для меня содержание было не так уж и важно. Главное, что помнили и сопереживали. Этот клочок бумаги придал сил, вызвал желание как можно быстрее поправиться и оказаться вместе в стенах училища. Захотелось снова стать ученицей и забыть страшное слово «больная».

Но жизнь в больнице продолжается. Кто-то выписывается, кто-то поступает. Черета судеб мелькает передо мной, как в калейдоскопе.

Рядом со мной лежит Людмила, коренная ленинградка, натуральная блондинка с голубыми глазами и немного вытянутым уставшим лицом. После операции у неё полностью загипсована правая нога, поэтому она не может обойтись без моей помощи. По вечерам она много рассказывает о пере-

житой блокаде, пронизывающем холоде, голоде. Особенно поразила история, как бабушка к её дню рождению сварила холодец из столярного клея и было очень вкусно.

Последствия блокады отразились на здоровье Людмилы. Она вышла замуж по любви ещё в студенческие годы, но не могла иметь детей. Это не разрушило брак, и они с супругом продолжали любить друг друга.

К ней приходил мужчина интеллигентного вида, немного мешковатый, с лёгким запахом спиртного. Сейчас понимаю: трудно быть одному несколько месяцев. Но тогда осуждала, что не может прийти к жене как человек, не заглядывая в рюмку. «Как человек» – мамина любимая формулировка: мужчина обязан быть трезвым, бритым и чисто одетым, при этом ботинки его должны сверкать, как зеркало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.